

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра

«Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Проблема реализации принципа добросовестности в судебной практике

Обучающийся

К.В. Назарова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, О.В. Бобровский

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Объем дипломной работы 61 страница. При написании использовались 34 источника.

Ключевые слова: принципы права, добросовестность, принцип добросовестности, злоупотребление правом, недобросовестное поведение.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с реализацией принципа добросовестности участников гражданских правоотношений.

Предметом исследования выступает совокупность правовых норм, устанавливающих принцип добросовестности, запрет на злоупотребление правом, а также эстоппель в российском гражданском праве, основные теоретические вопросы, касающиеся принципа и правовой категории добросовестности, а также научная литература и судебная практика по данному вопросу.

Во введении раскрывается актуальность темы, ставится проблема, цель и задачи исследования, определяются объект, предмет, указывается методологическая база исследования, теоретическая и практическая значимость. В первой главе исследовано теоретическое положение принципа добросовестности. Во второй главе приводится характеристика реализации принципа добросовестности в процессе исполнения обязательств.

В заключении сформулированы выводы по результатам проведенного исследования.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Принцип добросовестности в системе принципов гражданского права	7
1.1 Принципы гражданского права в РФ	7
1.2 Особенности реализации принципа добросовестности в гражданском праве	21
Глава 2 Реализации принципа добросовестности в процессе	29
2.1 Соотношение принципа добросовестности с другими принципами гражданского права	29
2.2 Проблема реализации принципа добросовестности	41
Заключение	53
Список используемой литературы и используемых источников	57

Введение

Установление определенных правил поведения необходимо для обеспечения сосуществования людей. Эти правила направлены на ограничение эгоистического волеизъявления индивидов и их коллективов, что в конечном итоге позволяет достичь баланса интересов всех участников общественных отношений. Одним из наиболее эффективных сводов правил является объективное право, которое создается государством и подкрепляется его авторитетом и властью. Исследование принципа добросовестности в современном гражданском праве является научно инновационным в силу комплексного подхода и широкого использования методов сравнительно-правового исследования.

В последнее время суды стали активно обращаться к этому правовому институту для обоснования своих решений. Если сделка купли-продажи соответствует всем требованиям закона, как определить недобросовестность покупателей участка? Принцип добросовестности имеет решающее значение, когда истец пытается заявить о праве собственности на часть квартиры умершего соседа. Ответы на эти вопросы дал Верховный суд, а эксперты дали советы спорящим сторонам при изложении своих аргументов.

Проведенная в последнее время масштабная реформа гражданского законодательства, наряду с легализацией принципа добросовестности, затронула и другие смежные институты. Ранее эти институты, такие как злоупотребление правом и эстоппель, были известны российскому правопорядку только по зарубежному опыту. Кроме того, перечень форм злоупотребления правом, закрепленный в ст. 10 ГК РФ, был существенно расширен законодателем.

Такое усиление правового регулирования гражданских правоотношений, особенно в части защиты от недобросовестного поведения, подчеркивает важность изучения данной темы. Нам созвучна точка зрения профессора А.Б. Венгерова, который считает, что злоупотребление правом -

явление, малоизученное в теоретическом плане, но способное оказывать пагубное влияние на всю правовую систему. Это можно сравнить со злоупотреблением алкоголем, которое может иметь разрушительные последствия для отдельных людей, а при широком распространении злоупотребления - и для всего общества. Поэтому даже сам подход к изучению этого явления имеет социальную значимость и перспективные теоретические последствия.

Важность темы заключается в отсутствии последовательных методов определения понятия добросовестности, осмыслиения его значения, определения роли и значения связанных с ним институтов. Вместе с тем специалисты в области права часто используют принцип добросовестности в связи с увеличением числа недобросовестных субъектов правоотношений, что подрывает основополагающие принципы права. Без осмыслиения этого правового явления невозможно выработать стратегию предотвращения подобных злоупотреблений. Таким образом, тема исследования остается актуальной с практической и теоретической точек зрения.

Исследование представляет собой новый научный ракурс, предполагающий комплексный подход к рассмотрению понятия добросовестности в гражданском праве и его практических проблем. Автор вносит предложения по совершенствованию действующего законодательства, в частности, предлагает легальное определение понятия "добросовестность". Кроме того, в исследовании делается вывод о необходимости включения в Гражданский кодекс РФ общего положения об эстоппеле, применимого ко всем видам гражданско-правовых отношений. Кроме того, в исследовании освещены вопросы, связанные с применением принципа добросовестности в вещных и обязательственных правоотношениях.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с реализацией принципа добросовестности участников гражданских правоотношений.

Предметом исследования выступает совокупность правовых норм, устанавливающих принцип добросовестности, запрет на злоупотребление правом, а также эстоппель в российском гражданском праве, основные теоретические вопросы, касающиеся принципа и правовой категории добросовестности, а также научная литература и судебная практика по данному вопросу.

Цель исследования – изучить применение принципа добросовестности при оценке судом правомерности повеления участников гражданских правоотношений.

Задачи исследования:

- изучить принципы гражданского права в РФ,
- рассмотреть особенности реализации принципа добросовестности в гражданском праве,
- обобщить соотношение принципа добросовестности с другими принципами гражданского права,
- проанализировать проблема реализации принципа добросовестности

.

Нормативной и эмпирической основой исследования послужили нормативно-правовые акты и судебная практика в рассматриваемой сфере.

Структура и объем исследования определяются целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Принцип добросовестности в системе принципов гражданского права

1.1 Принципы гражданского права в РФ

Вопрос о принципах права неизменно привлекает внимание как ученых, так и специалистов. В теории права принципы рассматриваются как концептуальные идеалы, которые должны проявляться в нормативных предписаниях и практическом применении. Выступая в качестве руководящих указаний, правовые принципы воплощают в себе основополагающие понятия, отражающие объективные закономерности, развитие общества и его потребности. Они выполняют ключевую функцию в формировании ядра всей правовой системы, отдельных отраслей или институтов, имеют вес в силу своего официального признания [4].

Объективные и субъективные свойства правовых принципов обусловлены наличием общественных отношений. Эти принципы формируются под влиянием реального содержания, определяемого этими отношениями. Благодаря активному взаимодействию и творческому восприятию мира в результате научных исследований в разных областях человеческой деятельности возникают фундаментальные понятия. Взаимосвязь между принципами подчеркивает их объективные характеристики, и если один принцип отсутствует, то это может нарушить нормальное функционирование всей правовой системы. Субъективная составляющая принципов, напротив, заключается в свободе выбора разного набора принципов, которые могут оказаться в основе конкретных правовых институтов и норм гражданского права.

По мнению С.С. Алексеева, принципы можно понимать как фундаментальные нормативные предписания, глубоко заложенные в праве. Эти принципы играют важнейшую роль в определении самой природы права,

формировании его основополагающих понятий, установлении законов, регулирующих социальную жизнь в его рамках [5].

Являясь неотъемлемой частью правовой системы, правовые принципы представляют собой концептуальные идеи, играющие важнейшую роль. Они служат кратким и исчерпывающим выражением содержания права.

Эти принципы охватывают фундаментальную природу первичных элементов, составляющих правовую систему, и выступают в качестве внутренней основы правового материала. В различных аспектах они выступают в качестве основополагающей сущности правовых конструкций [6].

Принципы права, по определению Д.А. Ковалева, - это основополагающие идеи и руководящие положения, отражающие фундаментальную сущность правовой системы. Рассматриваемые принципы вытекают из всеобъемлющих ценностей справедливости и свободы. В.Н. Карташов далее подчеркивает, что эти принципы в сфере права охватывают конкретные основополагающие идеи и идеалы, полученные в результате синтеза научных знаний и практического опыта [8].

По определению М.И. Байтина, принципы права - это важнейшие понятия, положения, взгляды, которые создают нравственную и структурную основу для становления, развития и функционирования правовой системы. Эти принципы играют основополагающую роль в формировании, эволюции и реализации законов, в конечном итоге влияя на то, какой характер примет правовая система - демократический или тоталитарный [9].

Добросовестность рассматривается как общественный идеал этического поведения, ожидаемый от каждого члена общества и являющийся руководящим принципом судебной системы. Определение добросовестности как критерия оценки правомерности действий и их реализации остается недостаточно изученным в современном гражданском праве. Традиционно понятие добросовестности часто ассоциируется с добродетельным сознанием и соотносится с моральными принципами. Кроме того, моральные принципы

рассматриваются как преобладающие формы поведения в конкретном сообществе, выступающие в качестве общественных норм и образцов, которые могут не иметь прямых санкций со стороны властей или законодателей, но при этом оказывать влияние на поведение индивидов по отношению к обществу. Добро включает в себя совокупность позитивных моральных ценностей, которые служат средством различия нравственных и безнравственных поступков, противостоят злу.

Под добной моралью понимаются установленные в обществе правила поведения, соответствующие понятию добра и моральным нормам. Эти условия сформированы и существуют независимо от воли человека, и предполагается, что он не должен их нарушать [1, с. 102].

В. П. Камышанский считает, что если гражданское право частично регулирует имущественный оборот и другие общественные отношения, то нормы морали играют решающую роль в формировании поведения людей и организаций. Поэтому при совершенствовании гражданского законодательства необходимо уделять повышенное внимание формированию, развитию и укреплению нравственных начал в обществе.

Мораль выполняет важные функции в правовом регулировании, одной из ключевых среди которых является установление границ реализации прав человека. Однако трактовать эту роль в буквальном смысле было бы неверно. Из этого не выходит, что любое аморальное поведение автоматически нарушает закон или что нравственно правильное поведение всегда соответствует требованиям закона. Как справедливо отмечает А.А. Малиновский, эти границы могут быть поняты как с социальной, так и с правовой точки зрения. Социальная перспектива предполагает, что каждое действие должно соответствовать моральным нормам и общепринятым правилам поведения, что позволяет предотвратить негативные социальные последствия, связанные с реализацией законных прав. Однако законодателям не рекомендуется последовательно требовать соблюдения моральных

запретов даже тогда, когда реализация отдельных гражданских прав может быть признана аморальной.

Взыскание долгов с разорившегося должника может рассматриваться как аморальный поступок с социальной точки зрения. При оценке поведения лиц в гражданских правоотношениях их добросовестность должна рассматриваться с точки зрения соответствия требованиям закона. Кроме того, необходимо выяснить, не нарушит ли подобное правомерное поведение законные интересы остальных участников отношений и нет ли у лица сомнительных намерений. По мнению И.Б. Новицкого, исследовавшего сущность понятия «добросовестность», принцип соблюдения договоров, уважения к соглашениям, сдерживания своего слова представляет собой истинный смысл доброй совести. Иногда, чтобы добиться справедливого решения, отвечающего как нормам права, так и соглашению сторон, законодатель может наделить судей правом решать дела, руководствуясь доброй совестью. Однако при этом должно быть обеспечено соблюдение норм, установленных законодателем, и положений, согласованных сторонами. Оценка добросовестности всегда сопряжена с субъективным моральным аспектом, поскольку именно моральное измерение делает ее оценочным понятием.

Понятие «добросовестность» в современном российском гражданском законодательстве рассматривается с различных точек зрения. Первоначально оно используется в качестве обозначения юридических лиц. Так, согласно п. 1 ст. 302 и ст. 303 ГК РФ, а также ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», человек будет считаться добросовестным приобретателем, если ему не было известно либо он не мог узнать о противоправных действиях, совершаемых другой стороной.

В различных контекстах поведение физических лиц разграничивается законом посредством закрепления понятия добросовестности при осуществлении ими своих прав. В виде примера можно указать пункт 3 статьи

53 Гражданского кодекса РФ, в котором подчеркивается обязанность субъектов права вести себя добросовестно.

В научной литературе понятие "добросовестность" вызывает широкие дискуссии. Одни ученые утверждают, что она функционирует как основополагающий принцип гражданского права, другие оспаривают эту точку зрения. Одни рассматривают ее как ограничитель осуществления прав, другие ставят под сомнение легитимность данной теории. Так, С.А. Краснова утверждает, что доказательства в пользу этого утверждения можно почерпнуть из толкования ст. 10 ГК РФ. Согласно пункту 1 этой статьи, действия, квалифицируемые как злоупотребление правом, не допускаются, а пункт 3 устанавливает презумпцию добросовестности участников гражданских сделок [1, с. 35]. Развивая эту концепцию, В. Емельянов предполагает, что, ссылаясь на добросовестность, законодатель устанавливает ограничения не на все права, а на определённые, непосредственно упомянутые в законе [2, с. 14-16].

Добавление добросовестности в виде базового принципа в гражданское законодательство обозначено в разделе 2.5 Концепции совершенствования общих положений ГК РФ. Отдельные авторы, например В.А. Белов, поддерживают эту точку зрения и подчеркивают значимость добросовестного поведения при осуществлении всех прав и обязанностей [3, с. 49]. Однако есть и противоположные авторы, которые утверждают, что нецелесообразно возлагать обязанность добросовестного поведения на все действия лиц, регулируемые гражданским законодательством [4, с. 56].

По мнению К. Скловского, добрую совесть можно определить как фундаментальную позицию человека, который проявляет уважение к другим, рассматривая их как равных. Этот акт признания и равенства образует основу для постоянного осуществления прав, универсального и последовательного [9, с. 79].

В.Н. Бабаев проводит различие между понятиями порядочности и добросовестности. С точки зрения В.Н. Бабаева, добросовестность

рассматривается именно как характеристика, связанная с выполнением обязательств.

Добросовестность предполагает следование позитивным правилам, нормам, принципам и условиям жизни, представляющим собой поведение человека. С юридической точки зрения добросовестность означает соблюдение полезных и необходимых законов. Добросовестность включает в себя такие принципы, как внимательность, исполнительность, честность, аккуратность при выполнении предусмотренных обязанностей [10, с. 87].

По мнению А.В. Поповой, понятие добросовестности включает в себя три отдельных элемента: следование этическим нормам, действие в соответствии со своей совестью и соблюдение принципов разумности и справедливости [11, с. 56]. С другой стороны, Б.А. Белов подчеркивает, что приобретение, осуществление, защита и прекращение субъективных гражданских прав не должны приводить к причинению вреда или представлять угрозу для любой из участвующих сторон. Более того, если речь идет о третьих лицах, то осуществление этих прав должно быть направлено на минимизацию потребности в помощи, снижение затрат и минимизацию необходимых усилий.

Устанавливая правила поведения участников гражданских сделок, законодатель конструирует права, определяющие модели должного или потенциального поведения. Эти правовые нормы, получив конкретное содержание, в дальнейшем формируют субъективные гражданские обязанности и права сторон гражданских сделок. Углубляясь в понятие субъективных гражданских прав, следует согласиться с точкой зрения известных специалистов в области гражданского права, которые полагают, что субъективные права предусматривают возможность осуществления конкретных действий как непосредственным субъектом, так и возможность требовать определенных действий от обязанной стороны, несмотря на расхождение позиций по этому вопросу в юридической литературе.

Следовательно, для любого субъективного права становится необходимым установление границ, поскольку его основополагающий признак заключается в определении пределов допустимого поведения. В качестве одного из таких ограничений выступает принцип добросовестности участников гражданских сделок. Однако следует отметить, что добросовестность не следует отождествлять исключительно с обязанностью уважать законные интересы и права иных сторон правоотношений. Ведь данная обязанность зафиксирована в непосредственной концепции реализации субъективных прав. При рассмотрении добросовестности как ограничения реализации гражданских прав подчеркивается дополнительное требование: наличие доброй совести у участников правоотношений.

Мы считаем, что добросовестность проявляется в следовании основным моральным нормам. Однако есть авторы, которые утверждают, что понятие «добросовестность» не имеет нравственного содержания. Согласно этой точке зрения, для определения наличия или отсутствия такого факта, как незнание или неспособность знать, не требуется вникать во внутренние мысли и убеждения человека. Достаточно изучить фактические обстоятельства, связанные с его юридически значимыми действиями.

Следовательно, объективность понятия «добросовестность» зависит от субъективного морального кодекса. Однако, несмотря на присущую этому понятию субъективность, законодатель обозначил его через запрет на злоупотребление правами. Таким образом, запрет на злоупотребление правами предполагает недопуск применения гражданских прав для того, чтобы причинить ущерб другому человеку. Он также предполагает действия, помогающие обходить законодательство для противоправных задач, а также совершение сходно недобросовестных действий при выполнении гражданских прав. Иными словами, под добросовестностью необходимо предусматривать поведение, которое исключает злоупотребление субъективными правами и желание нанести урон иному лицу через подобное злоупотребление, либо поведение, не направленное на достижение противоправных целей путем

обхода закона. Однако очевидно, что данное положение носит несколько двусмысленный характер.

Необходимо признать неоднозначную правовую природу добросовестности. В ГК РФ добросовестность официально признана принципом гражданского права, прямо отграниченным от понятия принципов гражданского права. Интересно, что она также закреплена в качестве ограничения осуществления гражданских прав. Таким образом, в правовом поле существует определенная двойственность в отношении понятия «добросовестность».

Мы полагаем, что с позиции теории права добросовестность не может одновременно обладать юридической природой правового принципа и ограничения осуществления гражданских прав. Однако с точки зрения позитивного права концепция недобросовестного осуществления гражданских прав, изложенная в п. 1 ст. 10 ГК РФ, раскрывает добросовестность как ограничение осуществления гражданских прав.

В правовой доктрине Российской империи термин «сутяжничество» был заимствован из немецкой юридической науки XIX века [2, с. 5]. Большое влияние на его регулирование оказало включение в параграф 226 ГГУ (1900 г.), который отнёс к недопустимым акт реализации права только для нанесения урона иному лицу.

Названная «принципом чистой шиканы», эта трактовка признавала шикану отдельной формой злоупотребления правом. Ее отличительная особенность заключается в намеренном использовании своих прав с единственной целью - причинить вред другому человеку. Проявление шиканы служит удовлетворению мстительных и злобных эмоций, представляющих собой низменные человеческие страсти - гнев и ненависть. Показательным примером такого злоупотребления в истории является злобный акт возведения высокой стены на границе своего участка с явным намерением помешать свету из окон соседского дома, известный под названием Neidbau [6].

Подобная трактовка шиканы получила широкое распространение в правовых доктринах многих стран. В настоящее время эта концепция закреплена в большинстве современных гражданских кодексов, выступая в качестве нормативного руководства.

В гражданско-правовой литературе принято выделять такие ключевые черты шиканы:

- шикана как форма неправомерного поведения, как правило, проявляется в действиях, а не в бездействии (бездействие со стороны лица не может изучаться в виде формы злоупотребления правом);
- для того, чтобы устраниТЬ сам факт злоупотребления, нужно доказать наличие прямого умысла на причинение вреда (многие ученые утверждают, что именно эта форма злоупотребления правами не может возникнуть в результате косвенного умысла или халатности);
- ключевой признак шиканы заключается в явном намерении причинить вред другой стороне.

Общепринятая точка зрения утверждает, что понятие добросовестности формируется в первую очередь под влиянием этических и моральных соображений. Однако включение объективного критерия неосведомленности об определенных фактах в сферу добросовестности подчеркивает ее отличие от сферы морали. Другая точка зрения на выявление объема «добросовестности» в гражданском праве предусматривает её оценивание по объективным критериям, не связанным с моралью. Третья точка зрения связывает добросовестность с правовыми принципами.

Установив определение понятия «добросовестность», мы можем раскрыть его сущность как принципа гражданского права. В гражданском праве принцип добросовестности регулирует осуществление прав и исполнение обязанностей в рамках правоотношений, гарантируя сохранение законодательно охраняемых интересов и прав иных лиц. Следовательно, принцип добросовестности включает в себя запрет противоправных действий,

а в случае совершения правомерных действий, приводящих к нарушению чужих субъективных прав, отсутствие осведомленности о таком нарушении.

Принцип добросовестности распространяется не только на случаи нарушения прав, но и на ситуации, когда сложно определить как нарушение прав, так и адекватную реакцию на сложившиеся обстоятельства.

Добросовестность играет важную роль в гражданском праве, поскольку определяет субъективное поведение лиц, участвующих в правоотношениях. Признание и закрепление этого принципа в законодательстве обеспечивает свободу реализации прав и исполнения обязанностей. Напротив, отсутствие добросовестности приводит к неблагоприятным правовым последствиям, например, к привлечению недобросовестных лиц к ответственности путем применения мер воздействия.

Исходя из результатов проведенного исследования, мы предлагаем пересмотреть и формализовать данную норму следующим образом: «Принцип добросовестности предполагает соблюдение тщательности поведения, исключающей проявление неосторожности, небрежности, пренебрежения правами, обязанностями и законными интересами других участников гражданских правоотношений». Это также предполагает отношение к обязанностям и правам других лиц как к своим собственным.

В современном гражданском праве анализ понятия "добросовестность" часто сосредоточен на отдельных гражданских правоотношениях. Она рассматривается как потенциальное средство реализации гражданских прав и тесно связана с принципами гражданского права. Однако в научном сообществе нет единого мнения о том, следует ли признавать добросовестность в качестве самостоятельного принципа. Добросовестность также рассматривается применительно к виндикационным искам, приобретению права собственности добросовестным приобретателем, ситуациям, связанным с давностным владением. Тем не менее существуют и другие гражданские правоотношения, например, обязательства, возникающие из неосновательного обогащения или из признания сделок

недействительными, где значение добросовестности не получило широкого исследования.

В связи с многообразием аспектов добросовестности необходимо систематизировать знания о ней и оценить ее практическую значимость в гражданских правоотношениях.

По мнению специалистов, зачастую именно обманные действия участников гражданских конфликтов служат причиной для возбуждения новых уголовных дел с коммерческим уклоном. Виктория Бурковская, адвокат АБ «Егоров, Пугинский и партнеры», отмечает, что многие дела возбуждаются с целью сбора доказательств для разрешения хозяйственных споров. Для решения этой проблемы Бурковская предлагает использовать концепцию раскрытия информации, заимствованную из американских или английских юридических процедур, которая обязывает стороны раскрывать соответствующие документы, имеющие отношение к спору. Далее Бурковская выделяет еще один способ повышения ответственности спорящих сторон - наказание за неуважение к суду, характерное для английского права. В соответствии с этим подходом сокрытие от суда важной информации считается правонарушением, что автоматически влечет за собой неблагоприятный вердикт в отношении стороны, уличенной в таком поведении.

Момотов считает, что возможно со стороны Верховного суда будут предложены меры, обязывающие стороны проявить повышенную добросовестность. При этом сам вопрос о том, следует ли суду активным образом давать оценку добросовестности действий сторон, считается дискуссионным. Ведь сейчас суд выполняет функцию арбитра и не является активным участником дискуссии. Однако судья отмечает, что в некоторых важных делах Верховным судом были сформированы правовые позиции, базирующиеся на использовании принципа добросовестности. Например, он отметил, что страховая компания, осуществившая частичную выплату по страховому случаю, не может впоследствии в ходе рассмотрения дела

утверждать об отсутствии страхового случая, поскольку своим поведением фактически признает наступление страхового случая. В отношении споров, связанных с микрофинансовыми организациями, Верховный суд РФ указал, что распределение средств по договору займа не может зависеть от несправедливых условий договора, поскольку их наличие будет означать недобросовестность.

Кроме того, отсутствует комплексное рассмотрение исследуемой категории, не учитывается ее двойственная природа в гражданском праве. Эта двойственность касается как принципа добросовестности в объективном смысле, так и в субъективном, когда лицо не осознает противоправности своего поведения.

В виду одного из примеров рассмотрим решение суда по делу М. по поводу признания права собственности на определённое жилое помещение, в котором подчеркивалось, что истец действовал добросовестно, выполнив свои обязательства на основе предварительного договора. Однако самостоятельно оформить свое право собственности истец не смог в силу неконтролируемых обстоятельств, а именно неисполнения обязательств сторонами, участвовавшими в Инвестиционном контракте. Данное решение было изложено в апелляционном определении Московского городского суда от 20 января 2022 года по делу № 33-1390.

Во втором случае истца требовала признать сделку недействительной, сославшись на то, что она не знала содержание доверенности, которую она подписала для регистрации контракта, поскольку она не знает испанский язык. Однако суд отказал истице в удовлетворении ее требований, подчеркнув необоснованность ее доводов. В соответствии с ч. 3 ст. 1 Гражданского кодекса РФ участники гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите своих гражданских прав, а также при исполнении гражданских обязанностей должны действовать добросовестно. Статья 9 ГК РФ также утверждает, что физические и юридические лица обладают свободой осуществления своих гражданских прав. В данном контексте, несмотря на то,

что истница плохо понимала испанский язык, она не была лишена возможности сообщить об этом нотариусу и отказаться от подписания документа. Кроме того, нотариальный перевод доверенности свидетельствует о том, что истница способна говорить на испанском языке и ознакомилась с текстом доверенности. Кроме того, было отмечено, что истец проживает в Испании в течение значительного периода времени и посещает курсы испанского языка. Данное определение было вынесено в апелляционном определении Московского городского суда от 20 июня 2022 года по делу № 33-20254.

В третьем случае, А.Т. подал в суд иск к А.В., в котором просил признать А.В. утратившим право пользоваться жилым помещением и требовал снять его с регистрационного учета.

Суд принял решение в пользу полученных исковых требований, приняв во внимание добровольный выезд ответчика из жилого помещения после расторжения брака. При этом суд принял во внимание, что истец не препятствует ответчику в проживании в спорном помещении, а также учел длительность отсутствия ответчика в жилом помещении. В результате суд установил, что ответчик потерял право пользоваться жилым помещением, и постановил снять его с регистрационного учета.

А.В. подал апелляционную жалобу вместе со справкой ОАО «А» от 11.11.2022 года. Справка подтверждает, что сотовый номер А.В. был на обслуживании по договору на предоставление услуги связи с 04.11.2001 по текущий момент. Это подтверждает утверждение ответчика о том, что истец, злоупотребив своими правами, не раскрыл номер телефона. С указанного периода номер телефона не изменился, и истцу об этом было известно. По этому номеру А.В. поддерживает отношения и общается со своей дочерью, которая проживает с истцом. К сожалению, в силу сложившихся обстоятельств А.В. не смог представить собственные возражения на иск и предоставить суду важные доказательства. Истец умышленно скрыл эту информацию, в результате чего было вынесено несправедливое и необоснованное решение.

В соответствии с распоряжением префекта САО г. Москвы А.Т. предоставили двухкомнатную квартиру с обязательством А.Т. сняться вместе с дочерью с регистрационного учета по предыдущему месту проживания за две недели с даты регистрации права собственности А.Т., на жилое помещение и зарегистрироваться в новом месте проживания. По указанному распоряжению А.В., не состоящий в очереди района, остается проживать по прежнему месту жительства (в комнате коммунальной квартиры).

В суде апелляционной инстанции А.Т. подтвердила регистрацию своего права собственности на недавно приобретенное жилое помещение. Однако свою обязанность сняться с регистрационного учета она не выполнила, указав, что сдала приобретенную квартиру в аренду другим лицам.

Исходя из вышеизложенных обстоятельств и руководствуясь положениями ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, судебная коллегия сделала вывод, что ответчик не нарушал жилищных прав А.Т. Напротив, очевидно, что истец злоупотребил своим правом, предъявив данный иск, который не имеет под собой законного основания с учетом обстоятельств дела. Поэтому предыдущее решение суда должно быть отменено, и должно быть вынесено новое решение по поводу отказа в удовлетворении исковых требований А.Т. к А.В., в том числе об утрате права на возможность проживания в жилом помещении и снятии с жилищного учета (Апелляционное определение Московского городского суда от 20 февраля 2021 г. по делу № 33-4181).

Таким образом, наша позиция совпадает с точкой зрения некоторых исследователей, утверждающих, что добросовестность относится к субъекту права в конкретных обстоятельствах, а не только к его поведению. Однако именно оценка поведения субъекта позволяет определить его позицию по отношению к конкретным ситуациям, свидетельствующую о добросовестности или недобросовестности его действий. Г.Н. Полянская и Р.Д. Сапир отмечают, что ключевой характеристикой субъективного является его непосредственная зависимость от индивидуального субъекта. Поэтому субъективное включает в себя активное реагирование субъекта на объективно

существующие отношения в соответствии с его пониманием этих отношений, а также деятельность, направленную на преобразование и совершенствование этих отношений.

1.2 Особенности реализации принципа добросовестности в гражданском праве

Толкование, данное в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2014 г. № 309-ЭС14-923, касается применения принципа добросовестности. Согласно этому постановлению, если лицо оспаривает сделку купли-продажи на основании злоупотребления правом и представляет существенные доказательства и убедительные доводы, свидетельствующие о наличии у продавца и покупателя злого умысла с целью причинения вреда истцу, то бремя доказывания переходит к ответчикам. Ответчики обязаны доказать, что сделка была совершена в интересах обеих сторон, по справедливой цене и не препятствовала кредитору реализовать свое право на обращение взыскания на имущество или любые связанные с ним имущественные права, вытекающие из долга.

В конкретном случае шведская компания Bash-court AB инициировала судебное разбирательство с целью признания недействительным договора купли-продажи доли в ООО "Бизнес-Парк". Договор был заключен директором с физическими лицами, проживающими в России. Истец заявил о злоупотреблении правом и привел несколько оснований для обоснования своих требований. Среди них - передача доли менее чем за два месяца до подачи заявления о банкротстве продавца, исключительно низкая цена продажи - 10 000 рублей, а также последующая перепродажа доли через различные недолговечные юридические и физические лица, не ведущие реальной предпринимательской деятельности. В качестве дополнительного доказательства было представлено решение ирландского суда,

подтверждающее, что сделки являлись частью более крупной схемы, организованной семьей Куинн с целью вывода активов и уклонения от обращения взыскания.

Доказательством злоупотребления полномочиями со стороны покупателя было признано то, что он не запросил такие важные документы, как учредительные документы продавца или реестр компании, для проверки полномочий представителя продавца. Обычно такие документы запрашиваются при заключении коммерческих сделок. Покупатель утверждал, что в силу этой оплошности он не знал и не должен был знать о каких-либо ограничениях полномочий представителя. Однако по российскому законодательству такие ограничения не признаются. Поэтому на основании статьи 1202 Гражданского кодекса РФ истец не мог ссылаться на несуществующие ограничения. С точки зрения истца, речь шла не об ограничении прав, а об отсутствии таких ограничений для конкретной сделки.

В первоначальных решениях суд определил, что либо отсутствует злоупотребление правом, либо, если оно есть, то не имеет правового значения для иска о признании сделки недействительной.

Верховный Суд РФ в рамках этой дискуссии выбрал такую позицию: презумпция добросовестности может быть поставлена под сомнение и доказана ложность путем всесторонней оценки косвенных доказательств. Следовательно, несправедливость или незквивалентность цены сделки является одним из признаков, свидетельствующих о недобросовестности сторон сделки.

Развитие принципа добросовестности в гражданских сделках сыграло определенную роль в утверждении справедливости и соразмерности в виде главных признаков гражданско-правовой ответственности.

По п. 5 ст. 393 ГК РФ, суд не должен отказывать кредитору в удовлетворении его исковых требований по поводу компенсации урона, полагаясь только на неопределенность по отношению к точной величине ущерба, нанесенного невыполнением либо ненадлежащим выполнением

обязательств. В таких случаях суд должен оценить и определить размер компенсации, рассмотрев все аспекты дела и придерживаясь принципов справедливости и соразмерности. В виде примера рассмотрим конкретный случай, когда судебная коллегия приняла решение об отмене решения нижестоящего суда и отказалась в удовлетворении поступившего иска. Обоснованием такого решения коллегия назвала отсутствие значительных улик, выступающих подтверждением исковых требований по поводу компенсации возможного урона. Это делает невозможным установление точного размера понесенных убытков. Ссылку на экспертное заключение суд посчитал необоснованной, поскольку в нем не была указана точная сумма, необходимая для адекватной компенсации убытков истца.

Вышестоящая судебная инстанция оспорила данную точку зрения по таким основаниям. Из материалов дела и проведенного судом исследования следует, что ОАО "И" допустило существенные недостатки при выполнении подрядных работ. К таким недостаткам относятся нарушения технических условий проекта, технических регламентов, а также выполнение работ без согласования с заказчиком по замене материалов.

В результате проведенной по делу экспертизы было установлено, что устранение недостатков, например, замена силовых кабелей, приведет к значительному ущербу для имущества истца. Таким образом, суд пришел к выводу, что факт нарушения ответчиком своих обязательств и последующего причинения ущерба истцу установлен.

Истец утверждает, что самовольная замена кабеля ответчиком повлечет за собой расходы на его демонтаж, что обосновывает возникновение убытков. В подтверждение этого утверждения истец представил экспертное заключение, подтверждающее размер этих расходов. В экспертном заключении указано, что расходы включают в себя трудозатраты на демонтаж и монтаж кабеля, а также необходимые материалы, такие как 30 кв. м фанеры, потолок, пол, кондиционирование, вентиляция, штукатурка.

Согласно действующему гражданскому законодательству, участники гражданских правоотношений презюмируются действующими разумно и добросовестно (по п. 5 ст. 10 ГК РФ). Такая презумпция предполагает, что если не доказали иное, то предусмотрено, что уполномоченное лицо совершило добросовестные действия.

Итак, упомянутая норма переложила обязанность доказывания поведения на самих участников гражданских отношений. Тем не менее, поскольку добросовестность признается одним из основополагающих принципов гражданского законодательства, упомянутое Постановление Пленума Верховного Суда наделяет суд полномочиями самостоятельно оценивать, добросовестно или недобросовестно действует сторона.

Поскольку соблюдение поведенческих требований в гражданских сделках имеет большое значение, перед законодателем всталас задача урегулировать последствия, возникающие при несоблюдении или нарушении этих требований.

Суд вправе отказать в полной или частичной защите прав стороне, действовавшей недобросовестно, о чем говорится в Постановлении Пленума. Статья 10.2 ГК РФ предусматривает дополнительные меры защиты невиновных участников либо третьих лиц, которые пострадали в связи с неэтичным поведением. В рассматриваемой статье такие меры не упомянуты. Однако в договорном праве есть положения, подходящие для использования в таких случаях. В Постановлении Пленума упоминается совокупность мер, которые может предпринимать суд, в том числе связанных с решением вопроса по поводу признания условий, намеренно навязанных недобросовестным участником (п. 3 ст. 157 ГК РФ). Также суд может отказать в иске по поводу признания сделки недействующей (п. 5 ст. 166 ГК РФ). Отметим, что данный перечень последствий, наступающих в результате недобросовестного поведения сторон, является лишь иллюстративным.

В этом перечне следует уделить должное внимание компенсации как прямых, так и косвенных убытков, обусловленных несоблюдением правил

осуществления переговоров. Важно подчеркнуть, что в соответствии со статьей 450.1 договор не может быть расторгнут только по причине недобросовестности. Эти меры имеют свои юридические особенности и основания для их применения. Однако этот аспект часто игнорируется как в нормативных актах, так и в судебных процессах. Учитывая значение добросовестности, являющейся одним из основополагающих принципов гражданского права, представляется нецелесообразным предоставлять чрезмерное судебное усмотрение при применении последствий нарушения данного требования. И.А. Покровский резко критикует такое судебное усмотрение, высказывая опасения, не является ли оно просто средством перекладывания нерешенных вопросов на судей. Учитывая масштабы этих проблем, возникают сомнения в эффективности такого подхода к осуществлению социального регулирования [8, с. 273].

В действующем законодательстве отсутствуют четкие критерии для определения соответствующих правовых последствий. Единственным критерием, прямо указанным в ст. 1 ГК РФ, является недопущение извлечения выгоды из незаконных или недобросовестных действий граждан. Суды часто ссылаются на это положение при разрешении конкретных споров. Было бы полезно возложить на них обязанность провести исследование с целью выявления альтернативных подходов, которые могли бы применяться в судебной практике для вынесения более обоснованных и взвешенных решений.

Наиболее распространенным результатом недобросовестных действий является отказ в полной или частичной защите нарушенных прав. В настоящее время ведутся постоянные научные исследования, направленные на более глубокое понимание этой защиты, хотя окончательный вывод еще не сделан. Важно признать, что отказ в защите права по своей сути является процессуальным действием, даже если это прямо не указано в разделе "Способы защиты гражданских прав" ст. 12 ГК РФ.

На практике защита осуществляется путем отказа в иске или уменьшения процентов, а также иными мерами, предусмотренными гражданским законодательством. Договорное законодательство, в частности, предусматривает более широкий спектр мер, которые могут быть применены судом при установлении недобросовестных действий стороны. В частности, такие меры предусмотрены в положениях, касающихся публичных договоров (ст. 426 ГК РФ) и договоров присоединения (ст. 428 ГК РФ).

При определении способа защиты нарушенных прав кредитора необходимо придерживаться принципа добросовестного исполнения обязательств. В качестве наглядного примера можно привести статью 466 Гражданского кодекса РФ, в которой рассмотрены последствия неисполнения условий, связанных с количеством товаров.

В отсутствие каких-либо специальных положений в контракте, если продавец поставляет меньшее количество товара, чем было оговорено, у покупателя есть два варианта действий. Во-первых, он может потребовать поставить недостающее количество товара. В противном случае он может отказаться от поставленного товара и отложить оплату. Если покупатель уже произвел оплату, он имеет право на возврат денег. Это правило по умолчанию позволяет покупателю выбирать между этими последствиями в случае несоблюдения согласованного количества товара, независимо от фактически поставленного количества. Однако в юридической литературе признается, что применение данной статьи сопряжено с определенными трудностями [9, с. 40].

В настоящее время препятствий для реализации этого принципа быть не должно. Принцип исполнения обязательств позволяет оценивать поведение стороны как недобросовестное даже в случае незначительных нарушений в отношении количества переданного товара, что влечет соответствующие последствия.

Важно рассмотреть соотношение добросовестности и концепции злоупотребления правом. Понятие злоупотребления правом прямо указано в статье 10 ГК РФ. Примечательно, что данная статья предполагает

добропорядочное поведение участников гражданских правоотношений. Общеизвестно, что злоупотребление правом противоречит принципам добросовестного поведения.

В связи с этим судебные органы при разрешении судебных споров активно опираются на положения, изложенные в ст. 10 ГК РФ. Однако применение данной статьи не всегда является простым и понятным для заинтересованных сторон. Например, в прошлом арбитражные суды использовали статью 10 ГК РФ при рассмотрении дел, связанных с банками. Злоупотреблением правом считалось, когда имущества поручителя оказывалось недостаточно для полного исполнения основных обязательств заемщика по договору поручительства в обеспечение кредитного договора. Некоторые арбитражные суды расценили это как злоупотребление правом как со стороны кредитора, так и со стороны поручителя, поскольку последний не мог эффективно обеспечить основное обязательство имеющимся имуществом [10].

Другой сценарий связан с согласованными действиями нескольких участников аукциона, направленными на создание видимости конкуренции и торговой активности при обеспечении интересов конкретного участника. Цель таких действий - отстранить от участия в торгах реальных участников и впоследствии манипулировать ценой продажи в ущерб должнику. Такое манипулирование ценами расценивается как злоупотребление правом.

Аукцион был остановлен в связи с тем, что заявка компании превысила размер аукционной надбавки. Однако впоследствии компания отказалась от исполнения договора купли-продажи [11]. Приведенные примеры подчеркивают важность осмыслиения поведения, относимого как к злоупотреблению правом, так и к добросовестному поведению. Действующая редакция ст. 10 ГК РФ предполагает, что злоупотребление рассматривается не только как недобросовестное поведение, но и как самостоятельная форма, характеризующаяся целенаправленными и умышленными действиями. Причем в данном случае умысел направлен не только на нарушение

конкретных правовых норм, которые могут даже отсутствовать в законодательстве, но и на подрыв основной сущности права, которая заключается в установлении юридического равенства участников гражданских правоотношений посредством правового регулирования.

Особого внимания в данном контексте требует точка зрения, выраженная Верховным Судом РФ в Определении от 03.02.2015 № 32-КГ 14-17. Согласно этому определению, злоупотребление правом имеет место, когда лицо действует вопреки норме, предоставляющей ему конкретное право. Кроме того, речь идет о поведении, не соответствующем интересам общества и государства, игнорирующем соответствующие юридические обязанности, связанные с тем или иным правом.

При оценке конкретных случаев крайне важно определить, насколько добросовестно было совершено то или иное действие. Если становится очевидным, что поведение отражает сознательное и целенаправленное использование субъективного права, то оно может быть расценено как злоупотребление им. Важно отметить, что не все случаи недобросовестного поведения могут быть квалифицированы как злоупотребление правом. Тем не менее обе формы поведения заслуживают критики и презрения и должны приводить к соответствующим правовым последствиям.

Таким образом, главным правовым препятствием на пути внедрения принципа добросовестности в процедуру несостоятельности (банкротства) является отсутствие правовой базы, определяющей понятие «добросовестность». Кроме того, отсутствуют критерии определения недобросовестного поведения, что затрудняет оценку судами действий заинтересованных лиц.

Сложившаяся ситуация порождает правовую неопределенность, связанную с различными нарушениями, возникающими в процессе банкротства. Эти нарушения не всегда можно квалифицировать как правонарушения или преступления, поскольку они обусловлены пробелами в законодательстве о банкротстве. Эти пробелы в правовом регулировании,

присутствующие в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ, создают возможности для неэтичных участников процесса банкротства. Для устранения каждого заметного нарушения законодатель стремится устраниить эти пробелы путем внесения многочисленных поправок в закон.

Еще одной проблемой является недостаточное осмысление процессуального понятия добросовестности судебным сообществом. Устраниить пробелы в законодательстве о банкротстве можно путем активного и целенаправленного применения судами принципа добросовестности. Такой подход направлен на обеспечение прав добросовестных участников процесса банкротства. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 предоставило российским судам самостоятельность в применении принципа добросовестности, тем самым наделив их механизмом исправления судебной практики, связанной с недобросовестными действиями в процессе несостоятельности (банкротства).

Глава 2 Реализации принципа добросовестности в процессе

2.1 Соотношение принципа добросовестности с другими принципами гражданского права

При заключении договора сторонам крайне важно придерживаться определенных принципов, закрепленных в гражданском законодательстве. Принцип добросовестности взаимосвязан с рядом принципов, обычно соблюдаемых в гражданских сделках, таких как запрет злоупотребления

правом, справедливость, разумность, свобода договора. Чтобы изучить взаимосвязь принципа добросовестности с каждым из этих принципов, начнем с рассмотрения принципа свободы договора.

Принцип свободы договора выступает в качестве существенного требования при заключении договора, что подчеркивается в ч. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ.

Данный принцип предоставляет лицам, участвующим в гражданских правоотношениях, свободу в достижении взаимного согласия при заключении договоров. Тем не менее, поскольку принцип добросовестности накладывает ограничения на неограниченную реализацию прав, он часто рассматривается в совокупности с принципом, закрепленным в статье 10 ГК РФ [17].

Поэтому возникает необходимость разграничения принципа свободы и принципа добросовестности. Когда осуществление своих прав приводит к причинению вреда другому лицу, это нарушает свободу пострадавшей стороны. Таким образом, принцип свободы договора и принцип добросовестности идут рука об руку, дополняя друг друга. По мнению С.А. Румянцева, отсутствие добросовестности делает подлинную свободу договора недостижимой. [2].

При рассмотрении этого вопроса, если рассматривать свободу договора как неограниченное и безграничное право, сфера действия принципа добросовестности существенно сужается. Это вызвано тем, что добросовестность по своей сути является мерой справедливости в договорных отношениях. Итак, принцип свободы договора предоставляет сторонам возможность действовать автономно, создавая гармонию интересов, а принцип добросовестности устанавливает стандарты структуры и порядка такого взаимообмена.

Понятие справедливости, предполагающее оценку баланса интересов сторон в договоре, включая распределение прав и обязанностей и эквивалентность имущественных положений, является предметом общественного суждения. Согласно п. 2 ст. 6 ГК РФ, выходит, что принципы

справедливости и добросовестности являются самостоятельными ценностями, которые применяются посредством юридической аналогии. Однако ни в законодательстве, ни в решениях высших судебных органов их различие прямо не подчеркивается. Изучение Гражданского кодекса РФ показывает, что принцип справедливости используется при определении размера компенсации и возмещения убытков, о чем говорится в п. 5 ст. 393 и ст. 308.3. Следует признать, что некоторые утверждают, что принцип справедливости подпадает под принцип добросовестности. Так, например, в своих работах Вавилин Е.В. высказывает мысль о том, что справедливость является общеправовым принципом, а добросовестность служит средством исправления несправедливости и устранения пробелов [3].

Данная точка зрения особенно применима в сфере имущественных отношений между сторонами. Если обе стороны будут придерживаться принципа добросовестности, то в совокупности они смогут достичь справедливого равновесия интересов. Принцип разумности, как и принцип справедливости, признается в качестве самостоятельного понятия в Гражданском кодексе РФ. Однако при привлечении лиц к ответственности эти принципы применяются в совокупности. Например, они задействованы в п. 3 ст. 53 ГК РФ, п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, ст. 450 и п. 4 ст. 62 ГК РФ. Принцип разумности реализуется в различных аспектах, таких как оценка расходов и убытков (предусмотренная, в частности, п. 5 ст. 393 ГК РФ), оценка цены (изложенная в ст. 397 и 738 ГК РФ, и др.), определение сроков реализации прав и выполнения обязанностей (предусмотрено п. 2 ст. 314 и ст. 397 ГК РФ и др.), оценивание собственных интересов и возникших обстоятельств (указано в ст. 178, п. 2 ст. 376 ГК РФ и др.), предполагаемое поведение (упомянуто в ст. 750 ГК РФ и др.) [7].

Итак, принцип добросовестности неразрывно связан с понятием разумности. Например, оценивая добросовестность чьих-либо действий, мы учитываем и разумность того, кто их совершает. Однако важно отметить, что не все действия, которые человек считает разумными, могут быть

автоматически отнесены к добросовестным. И наоборот, неразумное поведение не обязательно предполагает недобросовестность. Несмотря на то что принцип разумности и принцип добросовестности - это разные понятия, они тесно взаимосвязаны.

Переходя к рассмотрению принципа недопустимости злоупотребления правом, следует отметить, что мнения относительно его сопоставимости с принципом добросовестности расходятся.

Принцип добросовестности и принцип недопустимости злоупотребления правом являются несхожими.

Вопреки предыдущим дискуссиям, некоторые утверждают, что принцип добросовестности и принцип недопустимости злоупотребления правом фактически идентичны. Считается, что принцип злоупотребления правом охватывает расширенную область действия, если сравнивать с принципом недобросовестности. С другой стороны, считается, что принцип недобросовестного поведения имеет более широкое применение по сравнению с принципом злоупотребления правом. При дальнейшем анализе принципов становится очевидным, что принцип добросовестности включает в себя позитивные обязательства, связанные с учетом интересов контрагента и проявлением благонадежного поведения. Напротив, принцип недопустимости злоупотребления правом налагает негативные обязательства, не допуская причинения вреда другим лицам. В результате эти два принципа можно рассматривать как общий и специфический аспекты.

На мой взгляд, такая точка зрения представляет собой наиболее подходящую основу для сравнения этих принципов. Итак, принцип добросовестности действует автономно как самостоятельная регулятивная единица в гражданских правоотношениях. Однако он сохраняет существенную связь со всеми остальными принципами гражданского права.

Таким образом, принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления правом оказываются ключевыми в области формирования сущности и отражения прогрессивных тенденций во всей системе

гражданского права. Они способствуют укреплению согласованности правовых норм и субъективных правоотношений. Кроме того, они выступают в качестве внутренних принципов, регулирующих применение и эволюцию гражданского права. Эти критерии отражают основной "дух" права, воплощая в себе внутреннюю природу толкования и реализации правовых норм. Кроме того, они выступают в качестве запасных правил, компенсирующих недостатки закона и формирующих чувство правовой культуры, характеризующееся гармоничным сосуществованием в правовых границах.

Оба принципа вытекают из концепции равновесия, нарушаемого в рамках нормативной базы, именуемой нормативным единством, устанавливаемым организаторами гражданских правоотношений. Такая формулировка подчеркивает центральную ориентацию гражданского права на соразмерность, эквивалентность и гуманность в реализации субъективного гражданского верховенства и выполнении правовых функций. Хотя цивилисты часто характеризуют правовое равенство как независимость и свободу воли индивидов в гражданском праве, наряду со свободой усмотрения, заключения договоров и осуществления имущественных прав, оно предполагает прежде всего координацию их отношений в соответствии с равными правами всех участников. Это обуславливает необходимость установления определенной иерархии, способствующей обеспечению равенства в сфере гражданского права. Принцип юридического равенства охватывает фундаментальную сущность структуры гражданского права, обеспечивая его жизнеспособность и функциональность на протяжении всего юридического существования.

Мы полагаем, что из принципа равенства логически вытекают три дополнительных критерия гражданского права:

- принцип справедливости;
- принцип диспозитивности (связанный со свободой осуществления юридических прав);
- критерий добросовестного исполнения закона.

Принцип гуманности можно свести к трем ключевым составляющим:

- гармоничный баланс между индивидуальными и общественными интересами;
- восстановительный уклон в гражданском праве;
- предоставление судебной поддержки как средства восстановления нарушенных прав.

Принцип диспозитивности включает в себя следующие элементы:

- самостоятельность и инициатива отдельных лиц;
- независимость договорных отношений;
- неприкосновенность частной собственности;
- запрет на произвольное вмешательство государства в частные дела;
- необходимость беспрепятственной реализации гражданских прав.

Принцип добросовестности включает в себя ряд составляющих, в том числе:

- подлинное признание гражданских прав;
- искреннее стремление к защите гражданских прав;
- истинное отстаивание гражданских прав;
- добросовестное исполнение гражданских обязанностей;
- отказ от получения нечестных преимуществ путем обмана.

С другой стороны, если принцип гуманности выступает в качестве основной цели гражданского права, то принцип диспозитивности подчеркивает ярко выраженную автономию личности в гражданском праве при сравнении с иными отраслями права. Принцип добросовестности служит защитной мерой, препятствующей нарушению правовых норм гражданского права в результате неограниченного усмотрения обязанных лиц.

Таким образом, норма добросовестности вытекает из основополагающих принципов гражданского права, которые обеспечивают сохранение структурных основ, присущих всему гражданскому

законодательству. Состав права не должен быть подвержен эксплуатации, отклоняющейся от намеченных структурных целей.

По сути, и принцип диспозитивности, и принцип добросовестности вступают в действие в условиях правовой неопределенности. Это происходит, когда либо отсутствует конкретная правовая норма, регулирующая ту или иную ситуацию, либо существующие в гражданском праве правовые нормы недостаточны для эффективного решения рассматриваемого вопроса.

Мы считаем, что статья 10 Гражданского кодекса РФ действует на самом высоком уровне правового поля. Она играет важнейшую роль в обеспечении исключения противоречащей системе эксплуатации правовых норм, которая в первую очередь опирается на такие философские понятия, как «справедливость», «свобода», «добросовестность», «равенство», «разумность» и другие. Одновременно с этим акты злоупотребления правом, а также недееспособные действия (согласно определению, данному в ст. 1 ГК РФ) тесно связаны с действиями, связанными с правами владения, пользования и реализации. Хотя внешне эти действия могут казаться правомерными, по своей сути они являются несправедливыми, неоправданными и незаконными.

Временное приостановление как прав, так и обязанностей возможно как по ст. 10, так и по ст. 1 ГК РФ. Это обусловлено тем, что обеспечение целостности субъективных гражданских прав оказывается под угрозой, когда лицо пренебрегает присущей ему структурной функцией воздержания от использования собственных прав для нанесения урона иным сторонам гражданских сделок. Эта функция непосредственно затрагивает правообладателя и служит целям ограничения его эгоцентрических мотивов.

Позвольте остановиться на этом подробнее. Основополагающими компонентами отдельных функций гражданского права являются правоприменения, связанные с действиями «других лиц», которые в неразрывном взаимодействии с субъективными гражданскими правами формируют элемент или содержание правоотношения.

Каждая доктринальная трактовка термина "гражданский долг" изначально предполагает, что он представляет собой определенный стандарт и уровень должного поведения, предписанный законом или договором. В данном контексте под "стандартом" понимается качественная характеристика поведения, охватывающая его форму, содержание и сущность. С другой стороны, термин "уровень" обозначает определенные границы, в пределах которых должна выполняться обязанность. Эти границы могут включать в себя временные, пространственные и иные ограничения. Тем не менее даже в этих границах, включая самые строгие, как правило, существует "возможность" для обязанного лица исполнять обязанности различными способами, в разное время, в разных местах или в ответ на различные требования.

Подобно тому, как каждое субъективное гражданское право влечет за собой обязанность правообладателя добросовестно осуществлять свои права, каждой гражданско-правовой функции соответствует принцип "права (в определенных границах) на исполнение своей функции". Это "микроправо" является неотъемлемой частью структуры обязанности, конкретно разграничивая временные, многомерные и иные ограничения ее исполнения. Однако такое «микроправо» потенциально может служить катализатором неправомерного и недобросовестного поведения, напоминающего по своей сути злоупотребление правом, несмотря на то, что оно прикрыто правовыми рамками.

Поэтому, в отличие от принципа добросовестности, принцип недопустимости злоупотребления правом конкретно определен четкой правовой нормой, изложенной в статье 1 Гражданского кодекса РФ. Данная норма устанавливает рамки распределения ответственности в юридической практике, а также конкретные санкции, направленные на борьбу с недобросовестным использованием физическими лицами разрешенных правовых средств. Важно отметить, что хотя злоупотребление правом и связано с нарушением субъективных гражданских прав, оно не затрагивает ни

сами субъективные гражданские права, ни более широкую систему норм, принципов и идей, связанных с правами. Скорее, речь идет об узком, формальном толковании права (субъективного права) в контексте конкретной правовой нормы, неадекватно регулирующей соответствующее поведение, чем и пользуется злоумышленник.

Определение того, добросовестно или недобросовестно действует человек, по сути, предполагает оценку правомерности или неправомерности его поведения. Однако в контексте недобросовестности акцент делается не на наказании за противоправность как таковую. Вместо этого применяются более гибкие меры, такие как предотвращение возникновения обязательств и прав (ст. 157 ГК РФ), передача имущества (ст. 220, 302), возмещение доходов (ст. 303 ГК РФ), возмещение убытков (ст. 1103 ГК РФ), изъятие материальных носителей исключительных прав (ст. 1252 ГК РФ), реституция и др. Данные санкции определяются умышленной или неосторожной реализацией лицом собственных прав. При этом акцент смещается с вопроса о том, "какие" права реализуются, на вопрос о том, "как" эти права осуществляются. Причем при игнорировании внутренних сомнений или пренебрежении реализацией прав в пользу соблюдения внешне легитимных формальных границ, при личном приоритете эгоизма над интересами "других" (или общества в целом), при лицемерном поведении, т.е. создании иллюзии легитимной реализации субъективных прав.

При оценке взаимодействия этих нормативных принципов ставится задача исследовать следующие вопросы: Сочетаются ли принципы злоупотребления правом и добросовестности как элементы единого целого? Является ли принцип добросовестности отдельным проявлением принципа недопущения злоупотребления правом? Относятся ли эти явления к разным институтам гражданского права?

Для решения этих вопросов необходимо рассмотреть основополагающие компоненты российского гражданского права. В юридической науке принципы характеризуются как основополагающие

положения, помогающие понять правовую сущность той или иной отрасли права. Они играют важную роль в совершенствовании правового регулирования в данной области и облегчают применение права, особенно в ситуациях, когда в законодательстве имеются пробелы [2].

В свое время Е.В. Васьковский дал исчерпывающее объяснение правового принципа, указав, что он не только реализует цель, ради которой устанавливается та или иная норма, но и охватывает мотив, побудивший законодателя к ее созданию. Кроме того, он служит основой, из которой вытекает сущность принципа [3, с. 224].

С.Н. Братусь дал интересное определение принципа как руководящего начала или закона, направляющего развитие вещества или общества, охватывающего многочисленные явления, наблюдаемые в рамках определенной формы развития [4, с. 135].

Более того, он подчеркивает значимость принципа как закона управления конкретным явлением, который может быть осмыслен и использован для улучшения конкретных социальных взаимодействий.

Основополагающие принципы добросовестности и недопущения злоупотребления правом служат краеугольным камнем всей системы гражданского права. Важно подчеркнуть, что принцип добросовестности вытекает из принципов гражданского права, которые играют ключевую роль в создании фундаментальной основы всей системы гражданского права. Это обусловлено тем, что правовая система не терпит применения своих норм в отрыве от их целевого назначения.

При столкновении со сценарием правовой неопределенности важно продумать, в каких случаях действует принцип недопущения злоупотребления правом, особенно в ситуациях, связанных с пробелами в законодательстве или когда качественное решение поставленной задачи становится нецелесообразным.

Принято считать, что статья 10 Гражданского кодекса РФ занимает самое высокое место в правовой иерархии. В основе ее толкования лежат

философские понятия «справедливость», «свобода» и «добропроводность». Кроме того, понятие злоупотребления правом подразумевает обеспечение, надлежащее использование и реализацию прав.

Следует отметить, что существует различие между статьей 10 и статьей 1 Гражданского кодекса РФ. В статье 10 речь идет именно об умышленных действиях, в то время как неумышленное нанесение урона во время реализации субъективного гражданского права не предполагает злого умысла и должно оцениваться по правилам деликтных обязательств. С другой стороны, умышленные действия, связанные с уклонением от исполнения юридических обязанностей или обманом со стороны лица, требуют обоснования [6].

Принцип недопущения злоупотребления правом, противопоставляемый принципу добросовестности, проявляется как самостоятельная правовая норма. Этот принцип устанавливает правовые рамки, предполагающие различные меры наказания за злоупотребление правовыми полномочиями, которыми наделено лицо.

Вопрос о том, как толковать закон, непосредственно регулирующий поведение человека, возникает тогда, когда он выходит за пределы, установленные предоставленным ему субъективным правом.

Нормативно-деятельностная конструкция, сформулированная в п. 3 ст. 1 ГК РФ, представляет собой субъективный нравственный компас. Ее цель - искоренение эгоцентрических наклонностей у участников гражданских сделок с учетом общих целей и интересов гражданского обмена.

Недобросовестное поведение определяется двойственным характером действий, в частности, когда лица, которые обладают или должны обладать осведомленностью об объективных обстоятельствах, намеренно реализуют свои права, представляя их как юридически обоснованные.

Признание конкретных действий добросовестными или недобросовестными опирается на признание этих действий. Тем не менее,

если неправомерное поведение не подлежит наказанию, вступают в действие альтернативные меры.

Следовательно, отсутствие разумности, недобросовестные действия участников гражданских сделок, наличие скрытых намерений манипулировать субъектами гражданского права во время установления и осуществления гражданских прав без прямого нормативного регулирования - все это составляет основополагающие характеристики рассматриваемых принципов.

Таким образом, принцип добросовестности не только регулирует случаи злоупотребления правами, но и применяется в ситуациях, когда он отсутствует или когда статья 10 ГК РФ не учитывает конкретные обстоятельства. В виде примера можно отметить статью 6 Гражданского кодекса РФ, где принцип добросовестности применяется по аналогии закона. В противном случае, если, несмотря на препятствия, сама статья 10 ГК РФ становится инструментом злоупотребления, актуальными становятся положения статьи 1 ГК РФ вместе с общими нормами гражданского права.

Помимо регулирования случаев злоупотребления правом, принцип добросовестности распространяется и на ситуации, когда нарушений законодательства не происходит или допущенное нарушение не попадёт под действие ст. 10 ГК РФ. По мнению А.В. Волкова, пример, где прямо указано на отсутствие злоупотребления правом, описан в ст. 6 ГК РФ, где принцип добросовестности применяется через юридическую аналогию. Однако если статья 10 ГК РФ, несмотря на собственные барьеры, сама оказывается средством злоупотребления, то возникает другой пример для рассмотрения.

В этих обстоятельствах возникает необходимость обращения к положениям, изложенным в ст. 1 ГК РФ, а также к общим принципам, применимым к отдельным отраслям гражданского права. Говоря о злоупотреблении правом, В.П. Грибанов подчеркивает, что понятие пределов осуществления права превосходит понятие использования права в

противоречии с его назначением. Оно не может быть сведено исключительно к последнему понятию.

Таким образом, важно отметить, что недобросовестное поведение не всегда приравнивается к злоупотреблению правом, хотя злоупотребление правом во все времена считается одним из вариантов недобросовестного поведения. Сфера действия общего запрета на недобросовестное поведение, закрепленного в ст. 1 ГК РФ, выходит за рамки простого запрета на злоупотребление правами, которое рассматривается как конкретное проявление такого недобросовестного поведения.

2.2 Проблема реализации принципа добросовестности

В различных положениях Гражданского кодекса РФ, в том числе в статье 431.1 ГК РФ, термины «добросовестность» и «недобросовестность» используются в различных значениях. Эти термины имеют значение при рассмотрении вопроса о действительности договора в коммерческих отношениях. Если одна из сторон сознательно действует недобросовестно по отношению к другой стороне при принятии исполнения, статья 431.1 ГК РФ предусматривает исключение из общего запрета на признание договора недействительным. Аналогичное исключение из запрета на признание договора незаключенным или подтверждение его действительности установлено в статье 432 ГК РФ. Данное исключение применяется в случае проявления контрагентом недобросовестности. Кроме того, статья 434.1 ГК РФ дополняет положения, изложенные в статье 307 ГК РФ, подчеркивая требование добросовестности в ходе переговоров. Требование добросовестности закреплено в статье 450 ГК РФ, когда речь идет об отказе от подписания договора. Кроме того, понятия добросовестности и недобросовестности упоминаются и в других статьях Гражданского кодекса. Например, в ст. 302 ГК РФ говорится об истребовании имущества от невиновного приобретателя, а в ст. 335 ГК - о наличии добросовестного

залогодержателя. Однако следует отметить, что в этих статьях термин «добропорядочность» используется с несколько иными оттенками, что говорит о том, что в Гражданском кодексе понятие добросовестности используется в различных контекстах.

Для замены предмета первоначального обязательства по договору уступки необходимо согласие обеих сторон. Это означает, что и должник, и кредитор должны быть согласны сотрудничать. Если должник не может исполнить первоначальный предмет исполнения, он должен незамедлительно сообщить об этом кредитору. Одновременно должник должен выразить готовность предложить альтернативную форму исполнения обязательств, аналогичную первоначальной. Получив такую информацию, кредитор должен незамедлительно решить, принять или отклонить предложенную заменяющую сделку, особенно если она полностью противоречит его интересам.

Крайне важно, чтобы кредитор незамедлительно проинформировал об этом должника. Промедление может привести к начислению процентов на неурегулированный долг, что усугубит финансовое положение должника. Получив уведомление кредитора, должник обязан незамедлительно и надлежащим образом предпринять меры по приобретению указанного замещающего имущества, в противном случае сделка не будет совершена в соответствии с нормами законодательства.

Прекращение обязательства путем уступки права требования требует соблюдения принципов взаимного сотрудничества сторон. Эти принципы предполагают предоставление необходимой информации, недопущение задержек в исполнении обязательств, минимизацию возможного ущерба для контрагента и активное принятие мер по его предотвращению, если это возможно.

По статье 410 ГК РФ засчет встречного однородного требования порой предполагает частичное либо полное прекращение обязательства. Это относится к случаям, когда срок исполнения требования истек, не определен

или определяется по требованию. Важно отметить, что для осуществления зачета необходимо заявление только одной стороны.

В обширном анализе, проведенном М.А. Егоровой, было исследовано правовое понятие «зачет», выявившее его многогранность. Определение этого понятия варьируется в зависимости от основополагающих элементов, входящих в состав правовых условий, изложенных в статье 410 Гражданского кодекса РФ. Эти условия включают в себя такие аспекты, как однородность требований, встречных требований и наличие фактических требований [11].

При соблюдении необходимых требований законодательства, в том числе при подаче одной из сторон заявления о зачете, обязательство может быть прекращено путем зачета. Мы полагаем, что при использовании зачета для прекращения обязательства действует принцип взаимопомощи, в частности, путем предоставления нужных сведений, указанных в заявлении стороны.

Новация может быть самостоятельным методом прекращения исходного обязательства, если есть соглашение о новации. То есть стороны, изначально принимавшие участие в обязательстве, должны прийти к взаимному соглашению о прекращении прежнего обязательства и установлении нового.

Одним из примеров новации является прекращение денежного обязательства путем выдачи или передачи векселя, при этом должник становится обязанным по этому векселю [12].

По мнению правоведов, для признания новации юридически обязательной необходимо соблюдение ряда требований, изложенных в статье 414 ГК РФ. Сюда можно отнести наличие исходного обязательства, взаимного согласия сторон на выполнение замены исходного обязательства на новое, появление нового обязательства и стремление к осуществлению новации.

При рассмотрении дел по поводу истребования жилого помещения от невиновного приобретателя на основе исков от государственных органов и органов муниципального управления Верховный Суд РФ учитывает эти вопросы. При рассмотрении таких дел суды в первую очередь опираются на

положения Конституции РФ, ГК РФ, ЖК РФ, а также на международные соглашения. Особенno важна Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Суды ориентируются на Конвенцию, учитывают правовые интерпретации, которые есть в постановлениях ЕСПЧ и Конституционного суда РФ. Дополнительно ими учитываются различные разъяснения, приведённые в рамках Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 2010 года. Эти разъяснения отнесены к конкретному перечню вопросов, наиболее часто возникающих в рамках судебной практики при решении появляющихся дискуссий из-за реализации права владения и иных имущественных прав.

По статье 301 ГК РФ предусматривается предоставление законному собственнику права на получение собственного имущества из чужого нелегального владения.

Часть первая ст. 302 ГК РФ устанавливает, что если лицо получило имущество в качестве возмещения от лица, не имевшего полномочий на его передачу, а приобретатель не знал и не имел разумной возможности знать об этом (действовал добросовестно), законный владелец сохраняет право истребовать имущество от приобретателя. Это касается ситуаций, когда собственник утратил владение имуществом, оно оказалось похищенным у владельца или у лица, которого владелец наделил правом владения, или выбыло из-за владения без получения согласия от владельца.

На основе трактовки указанных правовых норм, задачей суда оказывается то, чтобы определить такие моменты:

- выполнить проверку, изымалось ли имущество у его легального собственника либо у человека, которому собственник передавал владение, на добровольной основе или против его воли;
- определить, предоставлялось ли имущество на безвозвратной или безвозмездной основе;

- установить, было ли известно приобретателю или должен ли он был знать, что имущество было получено от лица, не имеющего полномочий на его передачу.

Если на момент совершения возмездной сделки приобретатель знал о претензиях со стороны третьих лиц по отношению к спорному имуществу, а в дальнейшем такие претензии признали в предусмотренном порядке обоснованными, то его нельзя считать невиновным. Конституционный Суд РФ проверил конституционность пунктов 1 и 2 статьи 167 ГК РФ по жалобам О.М. Мариничевой, З.А. Скляновой, А.В. Немировской, В.М. Ширяева и П.М. Склянова в своем Постановлении от 21 апреля 2003 г. (№ 6-П). В постановлении разъяснено, что при получении имущества по возмездному договору от неправомочного лица законный владелец вправе предъявить к лицу, незаконно его приобретшему, иск об истребовании имущества, называемый виндикационным иском, по статье 302 ГК РФ.

Как поясняет статья 302 ГК РФ, добросовестное приобретение может иметь место лишь тогда, когда имущество получено не непосредственно от собственника, а от лица, не имеющего полномочий на его передачу. В ситуациях, когда сделка совершена с нарушением данного положения, надлежащим средством защиты является не взаимное восстановление активов, а возврат незаконно завладевшего имуществом, так называемая виндикация. Анализ судебных дел показывает, что конфликты, связанные с возможностью истребования имущества, в частности жилых помещений, от невиновных приобретателей, возникают в основном в случаях продажи имущества лицом, не имеющим на это законных полномочий. Поэтому, если физическое лицо приобретает жилое помещение у неправомочного собственника, оно вправе истребовать его путем предъявления виндикационного иска, как это предусмотрено ст. 301 Гражданского кодекса РФ. При оценке исков об истребовании имущества, в частности квартиры, от невиновного приобретателя необходимо учитывать, что истец, действующий от имени собственника жилого фонда, должен представить доказательства,

подтверждающие его право собственности на спорное имущество. Кроме того, их доказательства должны установить, что имущество было получено от неуполномоченного собственника. Регистрация недвижимого имущества государственными или муниципальными органами, а также постановка его на баланс физического лица не должны рассматриваться как доказательство права собственности либо законного владения. Про это указывается в п. 36 совместного Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. (№ 10/22).

С нашей точки зрения, разрешение правовых коллизий, возникающих в связи с неспособностью должника удовлетворить ожидания кредитора и прекратить обязательство, может быть достигнуто путем заключения соглашения о новации. Это необходимо и в тех случаях, когда должник не в состоянии обеспечить исполнение предполагаемого обязательства и предотвратить накопление задолженности. Поэтому взаимное сотрудничество сторон при прекращении обязательства путем новации предполагает соблюдение требований законодательства, связанных с этим принципом. Это включает в себя обмен соответствующей информацией, пресечение задержек в области развития обязательственных отношений, предотвращение нанесения дополнительного урона контрагенту и принятие упреждающих мер по его уменьшению, если это возможно.

По пункту 1 статьи 415 ГК РФ, обязательство могут прекратить, если кредитор согласен освободить заёмщика от его обязательств и такое освобождение не приведёт к нарушению прав иных лиц по отношению к имуществу кредитора.

8 марта 2015 года из-за принятия Федерального закона № 42-ФЗ внесли изменения в пункт 2 статьи 415 ГК РФ. Если кредитор направляет должнику уведомление о прощении долга, а должник в разумный срок не заявляет возражений, обязательство считается прекращенным на основании этих поправок. Следовательно, если должник не отвечает в течение определенного

срока, кредитор может освободить его от обязательства, направив соответствующее уведомление.

В случае прекращения обязательства путем прощения долга становится применимым принцип взаимопомощи сторон, в частности, в части предоставления существенной информации.

Статья 416 Гражданского кодекса РФ вводит понятие «невозможность исполнения» как дополнительное основание прекращения обязательства.

Яковлева утверждает, что порог требования исполнения прекращается при непреднамеренном уничтожении предмета обязательства [13].

Если обязательство не может быть исполнено в силу непредвиденных обстоятельств, не зависящих от воли сторон, это считается непреднамеренной невозможностью. Однако если в невозможности исполнения обязательства виноват должник, он должен возместить кредитору возникшие убытки. Например, если у должника отзвана лицензия в связи с неправомерными действиями, то обязательство по предоставлению оговоренной вещи прекращается, но должник все равно обязан возместить убытки, причиненные неисполнением договора [14].

С другой стороны, если невозможность возникла из-за виновных действий кредитора, он не может требовать возврата исполненного обязательства. В виде примера рассмотрим случай, когда Международным коммерческим арбитражным судом было отклонён иск по поводу взыскания средств в рамках договора.

По условиям контракта ответчик должен был оказать услуги по перевалке груза в порту, однако этот процесс был приостановлен из-за возражений капитана против загрязнения груза. Было установлено, что последующая задержка произошла по инициативе истца, и подтверждено, что груз не был загрязнен, о чем свидетельствует отметка "чисто на борту" в коносаменте [15].

При возникновении обязательства, если возникают обстоятельства, делающие исполнение невозможным без вины одной из сторон, обе стороны

по закону обязаны обменяться соответствующей информацией, что соответствует принципу взаимопомощи. Однако если невозможность исполнения возникла вследствие виновных действий должника или кредитора, то юридическая обязанность заключается в предотвращении дальнейшего ущерба контрагенту и минимизации возможного вреда, что вытекает из принципа взаимопомощи между вовлеченными сторонами.

Если орган государственной власти на государственном или местном уровне издает акт, частично или полностью делающий невозможным исполнение обязательства, то обязательство прекращается в соответствии с положениями ст. 417.1 ГК РФ. Например, если орган государственной власти принимает решение о запрете размещения рекламных конструкций на определенных территориях, то договор, связанный с таким размещением, прекращается в связи с принятием данного решения, а не односторонним отказом от исполнения договора [16].

В случаях, когда обязательство прекращается по указанным обстоятельствам, предоставление необходимой информации считается обязательным в соответствии с принципом взаимопомощи сторон.

В цивилистике высказываются различные точки зрения относительно применения принципа взаимопомощи сторон после того, как обязательство прекращено. По мнению В.В. Витрянского, включение данного положения может служить закреплению представления о том, что принцип добросовестности, указанный в ст. 1 ГК РФ в качестве основополагающего принципа гражданского права, распространяется и на договорные отношения. Однако, по мнению Витрянского, такое распространение обязательств на отношения после расторжения договора может выйти за необходимые рамки, поскольку правовая связь между сторонами уже прекратилась [18].

В этом вопросе мы придерживаемся точки зрения И.В. Тордия и С.А. Савченко. Закрепление этого принципа в российском законодательстве, как на местном, так и федеральном уровнях, рассматривается как благоприятный элемент правовой конструкции и оказывает непосредственное

влияние на стабильность гражданских правоотношений [18]. Другая правомерная точка зрения, представленная Е.В. Богдановым, подчеркивает значительную роль принципа солидарности в формировании гражданского общества. Утверждается, что согласованность интересов способствует формированию чувства единства в обществе [19].

По ст. 1032 ГК РФ пользователь по соглашению коммерческой концессии должен соблюдать конфиденциальность коммерческой тайны (ноу-хай) и иной конфиденциальной коммерческой информации, предоставленной правообладателем. Р.Б. Кац подчеркивает, что нарушение этого обязательства может привести к значительному ущербу для франчайзера.

Соблюдение конфиденциальности является важнейшим условием сохранения коммерческой ценности информации, как указано в статье 139 ГК РФ. Эти положения направлены прежде всего на защиту интересов франчайзеров и обеспечение сохранения их деловой репутации и конкурентных преимуществ на рынке [20]. Кроме того, в комментарии к данной статье поясняется, что несоблюдение режима конфиденциальности коммерческой тайны (ноу-хай), предусмотренного ст. 1467 ГК РФ, может привести к прекращению исключительного права на коммерческую тайну для всех правообладателей. Такое нарушение может являться основанием для расторжения договора коммерческой концессии в связи с существенным нарушением его условий, а правообладатели вправе требовать возмещения причиненных им убытков [21].

Многочисленные научные исследования постоянно указывают на негативные последствия раскрытия такой информации [22-24].

Таким образом, даже после прекращения обязательства ответственность за сохранение конфиденциальности коммерческой тайны (ноу-хай) и другой конфиденциальной информации остается за пользователем. Любые аргументы, свидетельствующие об обратном, противоречат принципам разумности и добросовестности. В качестве иллюстрации рассмотрим гипотетический сценарий, когда заключается договор коммерческой

концессии, а пользователь публично раскрывает коммерческую тайну компании McDonald's, что приводит к потере правовой охраны такой информации и причинению значительного ущерба компании McDonald's. В этом случае ответственность за причиненные убытки будет нести лицо, виновное в разглашении информации. Дополнительное подтверждение этому можно найти в п. 3 ст. 307 ГК РФ.

При внимательном изучении вышеуказанных положений, а также статей 718, 747, 753, 759 и 893 ГК РФ есть веские основания полагать, что принцип взаимопомощи сторон, охватывающий все появляющиеся правовые обязательства, находит собственное яркое выражение в предпринимательской форме помощи даже после завершения обязательственных правоотношений между сторонами.

Рассмотрим еще один пример, демонстрирующий применение принципа взаимопомощи между сторонами даже после исполнения обязательств. В договорах, касающихся банковских вкладов и банковских счетов, соблюдение конфиденциальности в отношении операций, счетов и вкладов клиентов является важнейшей обязанностью банка. Вопрос о банковской тайне и протоколах, регулирующих ее выполнение, привлекает много внимания учёных, особенно в последние годы [25-30].

В исследовании признается, что принцип взаимопомощи сторон сохраняет свое значение и после исполнения обязательств по договорам банковского счета и банковского вклада.

А.Ю. Викулин [32] эффектно подчеркивает понятие "банковская тайна", которое охватывает все действия, совершаемые банками и другими кредитными организациями. Следует отметить, что сфера действия банковской тайны выходит за рамки договоров банковского счета и банковского вклада, распространяясь на все обязательственные правоотношения между клиентами и банками в банковской сфере.

В соответствии со ст. 26 Закона о банках [33] Банк России, функционируя в качестве кредитной организации, уполномоченной

осуществлять обязательное страхование вкладов, обязан сохранять тайну клиентских и корреспондентских операций, счетов и вкладов. Кроме того, сотрудники кредитных организаций обязаны сохранять конфиденциальность клиентских и корреспондентских операций, счетов и вкладов, а также иной значимой информации, указанной кредитной организацией, при условии ее соответствия федеральному законодательству.

В рамках судебных разбирательств часто возникают споры по поводу отнесения информации к банковской тайне. Тем не менее в настоящее время существует единый подход к определению объема банковской тайны. В соответствии с законодательством за заемщиком сохраняется право не разглашать информацию о своих банковских счетах, операциях по ним, а также любую информацию, непосредственно связанную с его делами. Несанкционированное разглашение этой информации нарушает права заемщика [34]. Следует, однако, отметить, что сведения о характере хозяйственной деятельности или договоры аренды с участием третьих лиц не подпадают под действие банковской тайны. Следовательно, кредитные организации не будут нарушать положения Закона о банках, если предоставлят такую информацию сторонним лицам.

Как отмечает Н.А. Жирнова, понятие «содержание банковской тайны» должно охватывать целый ряд информационных элементов. Это и сведения о банковских счетах и вкладах, и информация о совершенных операциях, и сведения о клиентах, и любые другие существенные сведения, определяемые кредитной организацией, если они соответствуют федеральному законодательству [31].

Анализируя Закон о банках, становится очевидным, что ответственность за обеспечение банковской тайны лежит на кредитной организации. Однако некоторые императивные нормы закона ограничивают самостоятельность кредитных организаций в вопросах предоставления доступа к такой информации конкретным лицам.

Действующее в России законодательство устанавливает правовые основы банковской тайны, определяя, кто может получить доступ к данным, образующим банковскую тайну. Если появляется потребность в сведениях о счетах и операциях организаций и индивидуальных предпринимателей, то ее могут получить отдельные структуры, в том числе суды, налоговые органы и организации, занимающиеся принудительным взысканием.

Законодательство устанавливает, что доступ организаций к банковской тайне возможен только в установленном порядке. Мы считаем, что банки обязаны сохранять конфиденциальность информации даже после расторжения договоров вклада или счета. В таких случаях принцип содействия не позволяет сторонам совершать действия, препятствующие достижению цели обязательства, даже если это прямо не запрещено законом или договором. Однако оценивать достижение цели целесообразнее применительно ко всей гражданско-правовой сделке, а не только к конкретному обязательству.

Таким образом, принцип добросовестности не только регулирует случаи злоупотребления правами, но и применяется в ситуациях, когда он отсутствует или когда статья 10 ГК РФ не учитывает конкретные обстоятельства.

В заключение отметим, что в соответствии с отмеченными ранее моментами принцип содействия требует от кредитора в случае совершения заменяющей сделки заблаговременно уведомить должника о нарушении и совершении такой заменяющей сделки. Данный принцип распространяется на прекращение обязательств при любых обстоятельствах. Кроме того, в случаях, предусмотренных законом или согласованных сторонами, принцип содействия выходит за рамки прекращения обязательств и сохраняет свое действие даже после прекращения правоотношений по хозяйственным сделкам.

Заключение

Во всех формах гражданских правоотношений принцип добросовестности имеет большое значение как один из ключевых принципов в гражданском праве. Понятие добросовестности в российском гражданском праве включает в себя субъективные и объективные элементы. Субъективная добросовестность подразумевает соблюдение конкретных правовых норм, а объективная - добросовестное поведение, соблюдение прав и добросовестное исполнение обязанностей при реализации своих прав.

Принцип добросовестности не изучается только как самостоятельная обязанность, он выступает в качестве непосредственного катализатора различных обязательств, условий, правил и негласных ограничений в правовой системе. По сути, он служит основой для формирования правоотношений, которые, в свою очередь, порождают широкий спектр обязанностей, включая ответственность и иные обязанности (например, организационные), а также соответствующие права.

Также принцип добросовестности используется для уточнения и определения обязательств и обязанностей, указанных в законе, и одновременно выступает в качестве ограничителя реализации прав.

Злоупотребление гражданскими правами может происходить различными способами. Одним из них является умышленное использование гражданских прав с одной целью – нанести кому-то урон. Это также известно как «шикан».

Ещё одна форма предусматривает осуществление действий, позволяющих обойти законодательство при реализации неправомерных мотивов. Также злоупотреблять гражданскими правами могут через иное намеренное недобросовестное применение таких прав.

Важно подчеркнуть, что добросовестность является в своей основе нравственным понятием, и поэтому участники рынка не могут опираться на нее как на всеобъемлющую и универсальную основу своего поведения. Принцип добросовестности неоднозначен, поскольку включает в себя моральные принципы, не свойственные гражданскому обороту. Он включает в себя объективную обязанность придерживаться установленных норм поведения и одновременно выступает в качестве субъективного критерия оценки такого поведения. Итак, рассмотрим моральные принципы, добавляемые термином «добросовестность».

Добросовестность выражается в коллективном разумном, честном и адекватном поведении. Напротив, недобросовестное поведение предполагает лицемерное применение субъективных прав (или обязанностей), выходящих за рамки реализации гражданских прав. При этом критерии разумности, адекватности и добросовестности устанавливаются через формирование безличного представления о среднестатистическом рациональном участнике гражданского оборота. Эта теоретическая конструкция должна обладать способностью осмысливать и предвидеть свое поведение на уровне, сопоставимом со среднестатистическим индивидом.

В таких условиях нерациональность поступков становится очевидной через нелогичное и неадекватное поведение в конкретных условиях. По сути, принцип доброй совести подразумевает внесение в отношения сторон определенной доли честности, борьбу с обманом как в прямой, так и в косвенной форме, отказ от использования чужого недопонимания.

Однако сейчас применение статьи 10 ГК РФ часто не соответствует действительности и представляется необоснованным по следующим причинам:

- вызывает недоумение, когда действия отдельных лиц квалифицируются как злоупотребление правом, даже если они не обладают субъективным правом на совершение таких действий (установление наличия субъективного права у уполномоченного лица является важнейшей предпосылкой для определения злоупотребления правом);
- непосредственный факт нанесения урона третьим лицам оказывается недостаточным основанием, чтобы воспользоваться ст. 10 ГК РФ (такой вред может возникнуть в результате внутреннего конфликта интересов в рамках общественных отношений);
- судебные решения часто ссылаются на ст. 10 ГК РФ (когда спорная ситуация уже регулируется специальными нормами права, определяющими конкретные условия и правовые последствия);
- судебные органы также ссылаются на данную статью для устранения недостатков законодательства, в итоге создавая новые нормы, основанные на собственных представлениях о правильности и справедливости.

Еще одной проблемой является недостаточное осмысление процессуального понятия добросовестности судебным сообществом. Устранить пробелы в законодательстве о банкротстве можно путем активного и целенаправленного применения судами принципа добросовестности. Такой подход направлен на обеспечение прав добросовестных участников процесса банкротства. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 предоставило российским судам самостоятельность в применении принципа добросовестности, тем самым наделив их механизмом исправления судебной практики, связанной с недобросовестными действиями в процессе несостоятельности (банкротства).

Даже с учетом неопределенного характера рассматриваемого вопроса концепция злоупотребления правом не должна использоваться судом как средство манипулирования законом или его изменения в соответствии со своими предпочтениями. Наделение суда полномочиями по исправлению неэффективного или противоречивого законодательства путем использования злоупотребления субъективными правами подорвало бы принцип законности. Если тот или иной аспект действующего законодательства вызывает возражения, его следует устранять с помощью соответствующих законодательных инструментов, таких как внесение изменений или отмена закона, а не полагаться на повторное толкование.

В российском гражданском праве эстоппель не рассматривается как самостоятельный принцип. Правовые нормы, устанавливающие эстоппель, служат также целям защиты участников гражданских сделок от недобросовестных или мошеннических действий.

Хотя введение отдельной нормы об эстоппеле в Гражданский кодекс РФ может показаться излишним, если такие нормы уже существуют в действующем законодательстве, становится крайне важным дать четкое и ясное законодательное определение этого понятия.

Предлагается усовершенствовать Гражданский кодекс РФ путем включения в него статьи, запрещающей участникам гражданских правоотношений действовать вопреки ранее совершенному ими недобросовестному поведению. Результаты данного исследования позволяют устраниТЬ неопределенность в практическом применении принципа добросовестности и его различных элементов. Это будет способствовать укреплению и развитию в отечественном гражданском праве института добросовестности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ : (ред. от 28.12.2020 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Баринов Н.А., Бевзюк Е.А.. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 2018 г. № 14-ФЗ (постатейный) / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс»
3. Богданов Е.В. Гражданское право и гражданское общество России // Современное право. 2021. № 6. С. 43-49.
4. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2021. С. 230.
5. Войкова Н.А., Фролова Е.Е. Об основных тенденциях развития банковского законодательства и мерах по укреплению устойчивости банковского сектора Российской Федерации в свете негативных проявлений внешней финансовой конъюнктуры // Материалы международной научно-практической конференции «Перспективы развития юридической науки, практики и образования в азиатско-тихоокеанском регионе». Владивосток, 2021, С. 190-204;

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : (ред. от 09.01.2020 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

7. Громов С.А. Особенности возмещения конкретных и абстрактных убытков при прекращении договора. Комментарий к ст. 393.1 ГК РФ и к п.п. 11-14 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 85.

8. Димитриев М.А. К вопросу об отдельных способах прекращения обязательств // Российская юстиция. 2021. № 5. С. 8.

9. Дозорцев В.А. Понятие исключительного права // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сборник статей. Исследовательский центр частного права, 2003. М.: Статут, 2003. С. 112143; Юридический мир. 2021. № 3. С. 4-11; № 6. С. 2535.

10. Дозорцев В.А. Понятие секрета промысла («ноу-хай») // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей. Исследовательский центр частного права. М.: Статут, 2003. С. 238-276; Вестник ВАС РФ. 2021. № 7. С. 99-113; № 8. С. 105-119

11. Егорова М.А. Правовая природа основания прекращения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 12. С. 4.

12. Егорова М.А. Правовой режим зачета в гражданско-правовых обязательствах. М.: Дело РАиХиГС, 2022. С. 124.

13. Зинченко П.И. Полномочия правоохранительных органов на доступ к сведениям, составляющим банковскую тайну: теория и практика // Банковское право. 2021. № 4. С. 9-15;

14. Иванова З.Д. Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан // Сов. государство и право. 2020. № 2. С. 33.

15. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005г. № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского

кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств» // Вестник ВАС РФ. № 4. 2021 (Обзор).

16. Кац Р.Б. Франчайзинг: построение предприятия, бухгалтерский учет, правовые аспекты. М.: ГроссМе-диа, РОСБУХ, 2021. С. 53.

17. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. : (с учетом поправок от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 3. – Ст. 4398.

18. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: В 2 т. М.: Статут, 2021. Т. 2. С. 129.

19. Кузнец И.М., Айдаева Д.З. Автоматический обмен информацией о финансовых счетах: глобальный конец банковской тайны? // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2021. № 4. С. 36-46

20. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ : (ред. от 04.03.2020г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 53. – Ст. 7627.

21. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 07 мая 2013 г. № 100-ФЗ : (ред. от 28.12.2020г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 19. – Ст. 2327.

22. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 08 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.

23. О защите конкуренции : федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ : (ред. от 29.07.2020г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3434.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 33, Пленума ВАС РФ № 14 от 04.12.2000 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей» // Вестник ВАС РФ. 2001. № 2.

25. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 25.09.2021г. по делу № А56-787 / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс»

26. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 24.11.2020г. по делу № А32-5514/2010 / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс»

27. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2019. С. 17.

28. Рузакова О.А. Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: учебно-практическое пособие для магистров. М.: Проспект, 2017. 144 с;

29. Соломин С.К. Понятие прекращения обязательства // Гражданское право. 2022. № 3. С. 37.

30. Тордия И.В., Савченко С.А. Принципы обязательственного права (международный и национальный аспекты) // Lex russica. 2021. № 10. С. 140.

31. Фаткина Е.В. Правовая охрана банковской тайны в условиях развития законодательства о национальной платежной системе // Банковское право. 2021. № 5. С. 71 -76;

32. Филиппова С.Ю. О пользе обязательства // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 6. С. 57.

33. Шашкова А.В. Позиция Конституционного Суда РФ по вопросу нотариальной и банковской тайны // Нотариус. 2021. № 1. С. 17-22;

34. Яковлева В. Реальное исполнение обязательств - одно из необходимых условий выполнения народнохозяйственного плана // Ученые записки Ленинградского юридического института. 2021. Вып. VI. С. 123.

